

салон

Олег ЛУКОШИН. Капитализм. Повести и рассказы. — М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2011, 348 с., 5000 экз.

СКАЗЫ — жанр немного подзабытый отечественной литературой со времён его создателя Павла Бажова. Но активно возрождаемый Олегом Лукошиным, который в этом отношении, можно сказать, выступает литературным внуком знаменитого уральского писателя, автора "Каменного цветка" и "Хозяйки медной горы". Видимо, не случайно местом первой публикации "Капитализма" и автора, проживавшего тогда в городе Нефтекамск Республики Татарстан, стал "толстый" екатеринбургский журнал "Урал".

С другой стороны, тот же Олег Лукошин выступает и "литературным внуком" Аркадия Гайдара, переписывая в хард-роковой тональности его повесть "Судьба барабанщика". Что получается в итоге? В итоге получается "литературный двойник", даже "альтер эго" небезызвестного Егора Гайдара, тоже внука Аркадия Гайдара и Павла Бажова. Только не времён "рыночных реформ", а чуть пораньше, когда Егор Тимурович работал в журнале ЦК КПСС "Коммунист" и специализировался, кажется, на критике буржуазных фальсификаций экономической теории марксизма.

И если "Капитализм" рассказывает о том, как претерпевшие до конца испытания рынком герои-одиночки стихийно и одновременно "упраздняют" капитализм на территории всех отдельно взятых областей и республик России, то написанные ровно через год уже вкусившим литературного успеха автором "Дороги, которые нас выбирают", представляет собой уже вполне "форматную" — ну, с неизбежной поправкой на сказовый авторский стиль Олега Лукошина и его тягу к "большой философии" — криминальную повесть. И с этой точки зрения фотография автора с красным флагом КНР в руках может считаться таким же "рекламным ходом", как и ставший узнаваемым брэндом силуэт Че Гевары.

Впрочем, в жизни главного героя "Капитализма" Максима тоже был период, когда он торговал в Тобольске компакт-дисками, "отстёгивал" долю местной братве и вообще, казалось бы, полностью включился в товарно-рыночные отношения.

И только встреча с пропавшим отцом, который, оказывается, все эти годы работал в цирке, исполняя по контракту роль дрессированного человека, снова вернула Максима в ряды борцов против "капитализма".

И, подобно тому, как его младший брат Денис недрогнувшей рукой убивает свою маленькую сестру Настеньку ради вступления в Избранный Круг власть и деньги предержащих, Максим убивает Дениса. "Мне отмщение, и Аз воздам".

Правда, "в офф-лайне", "в реале" вероятность такого изменения субъекта, мягко говоря, не превышает 5%, но ведь она, во-первых, не исключена и не стремится к нулю, а во-вторых, не так уж и важно, чем писатель занимается как живой человек — ведь давно известно, что "Жизнь — игра: сюжет отстой, хотя графика супер", — важно, что и как он пишет. Моменты эти, конечно, взаимосвязаны, но не линейно, не напрямую. "Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей..."

Так вот, исходя из вышесказанной жанровой и мировоззренческой принадлежности, никакой Олег Лукошин не постмодернист, а тем более — не "постмодернист европейского типа", как его в виду премиальных перспектив "Национального бестселлера" пытались было презентовать.

Если не то, что системных, а даже единичных нарушений причинно-следственных отношений в его текстах найти нельзя, то он и на "простого" модерниста-то "не тянет", не говоря уже про "пост-".

Да-да, не обольщайтесь: типичный реалист Олег Константинович Лукошин, "литературный внук" добротной и по-своему даже великой советской прозы второго ряда (на фоне Михаила Шолохова и Леонида Леонова, Андрея Платонова и Михаила Булгакова, согласитесь, Аркадий Гайдар и Павел Бажов смотрятся примерно так же, как Новосибирск и Краснодар на фоне Москвы и Ленинграда (хорошо, "Питера", "северной столицы", но мы ведь о советских временах говорим? Кстати, в этой же книге можно прочитать прекрасный рассказ "Помню тебя, Сейфуль-Мулюков!" — о том, что "в 90-х годах прошлого века психиатры нашей страны стали фиксировать крайне необычное заболевание. Оно получило название "Советский Союз". Советский Союз — это болезнь неудачников... это чудовищная иллюзия, миф о прекрасной и справедливой стране, которая якобы существовала в двадцатом веке на территории России и сопредельных государств. Иногда грёзы о Советском Союзе бывают такими, что люди называют имена, даты, события, будто бы имевшие место в истории..." — **Г.С.**).

В общем, если не случится ничего дурного, от Олега Лукошина можно ждать куда более выдающихся книг, чем "Капитализм" и иже с ним. Хотя и это чтение далеко не бесполезно. Но главное — впереди!

Георгий СУДОВЦЕВ

"Служебный роман. Наше время" (Россия, 2010, режиссёр — Сарик Андреасян, в ролях — Светлана Ходченкова, Владимир Зеленский, Марат Башаров, Анастасия Заворотнюк, Павел Воля, Иван Охлобыстин, Алика Смехова, Тимур Родригез, Дмитрий Хрусталёв).

СЛУЖЕБНЫЙ ПЛАНКТОН

СОПРОВОЖДАЕМОЕ шумными рекламными роликами и лаконичными киноафишами с женскими туфлями на каблуках, под бессмертную музыку композитора Андрея Петрова на экраны страны выползло новое выдающееся творение нашего века — вариация бездарного армянского режиссёра (отметившегося ранее кинопродуктом "Лопухи") на тему любимого народом рязановского "Служебного романа". Обязанная пополнить отечественный прокат очередной байкой в стиле комедий "Ёлки", "Питер FM", "Жара", et cetera, эта псевдоромантическая вампука лишила нас даже возможности рассуждать о художественных особенностях новоиспечённого шедевра. Их нет там даже в зачатке. Зато в наличии удивительные метаморфозы. И дело не только в пьесе "Сослуживцы", над которой авторы основательно поработали. Чтобы понять, что к чему достаточно ещё раз взглянуть на актёрский состав — на чудеса рассчитывать не приходится.

Анатолий Ефремович Новосельцев наших дней (в его роли — Владимир Зеленский) неинтересный человек, отец двух дочерей, еврей-неудачник — что уже само по себе дико, и откровенный лох, которого в реальности вряд ли взяли бы на работу в "крутое" рейтинговое агентство. Финансовый аналитик из такого, увы, никакой — скорее можно больше поверить во врача-стоматолога, которого примерно так же изобразил актёр в комедийном цикле "Любовь в большом городе" и "Любовь в большом городе-2". Людмила Прокофьевна Калугина (в ее роли Светлана Ходченкова, играющая ещё хуже, чем в тех же "Любовь в большом городе" и "Любовь в большом городе-2") — офисная мымра с подорванными нервами, неудачами на любовном фронте, в строгих очках и мужском костюме на каблуках.

Дальше — больше. Секретарша Верочка превратилась в секретаря Вадика (как ни странно, довольно адекватный Павел Воля) — модника с замашками гомосексуалиста, мечтающего о карьере модельера. А Оленька Рыжова (вечная няня Анастасия Заворотнюк) щеголяет по офису "в жутких серёжках" и сладострастно провозглашает, что она — одинокая. И на каждом углу практически насилует длинноволосого байкера Юрия Самохвалова (Марат Башаров, забывший об актёрской игре раз и, похоже, навсегда).

Одно из важных увлечений калугиных 2000-х годов — психологические тренинги на злободневную тему — как женщине выжить в мире мужчин и домостроя. "Я — акула, я — акула", — твердят посетительницы клуба деловых женщин с упорством, которому в своё время позавидовала бы певица Линда. "А у акулы нет друзей", — вторит хору офисных одиночеств голосом доктора Быкова лектор Григорий Трусов (Иван Охлобыстин, который, по собственному признанию, сценария не читал, видимо из-за занятости в сериале "Интерны"). Людмила Прокофьевна послушно записывает всё в блокнотик. Рядом сидит Алика Смехова, чья роль сводится к тому, чтобы в определённый момент послать тренинги к чёрту и направить мымру на путь любви и женственности.

Обстоятельства, при которых происходит искомая служебная любовная связь, приводят героев на турецкие берега. В этот "рай на земле" на вечеринку в честь своей новой должности, вывозит офисный планктон Юрий Самохвалов. Там, испив дешёвого Киновского коньяку на корпоративной гулянке, Новосельцев вяло пристаёт к Калугиной, затем оба неуклюже падают в бассейн. Случайная утренняя встреча на фуникулёре, где Калугина с интонациями Алисы Фрейндлих плачет на плече растерянного Новосельцева, убеждает аналитика, что перед ним — отнюдь не мымра. Ночью, расчувствовавшийся Новосельцев лезет в окно к Калугиной и за букет цветов получает стандартный набор, подстерегаемый одиноких людей в отпуске — камера покажет страстный поцелуй и суетливо трепещущие ножки упавших на постель героев.

По приезду в родные офисные пенаты Новосельцев и Калугина понимают, что на смену сексу пришло большое светлое чувство. Но тут в дело вмешивается производственный шпионаж, не снившийся Рязанову и в страшном сне. К слову, Рязанов от современной версии открестился. Автор "Старых кляч" и "Андерсена" сохранил некоторое здравомыслие и премьеру игнорировал. Впрочем, его мнения никто не спрашивал.

Обновлённый "Служебный роман" продолжает зомбировать население идеальной жизнью мегаполиса. Так сказать, поднимать дух россиян в социальной сфере. Живописать мир Москвы как одно сплошное глянцевое шоу. И что характерно, как никакой другой фильм новой России, показывает насколько бездонно глубока пропасть, бытовая и моральная, между прошлым и настоящим нашей страны. Фильм не только получил одобрение у офисных девушек, чья жизнь состоит из корпоративного флирта, топовых брендов, и прочих рекламных проспектов, заменяющих современным яппи здравый смысл, но и вывел тенденции развития отечественного кино на другие орбиты. Пять сценаристов и шесть продюсеров поработали не зря — пусть и не создали полноценное кино, но зато отразили современность на все сто.

И при этом еще прекрасно провели время на тёплом море, вывезли съёмочную группу в Турцию — на эту "роскошь", видимо, и ушёл основной бюджет. То, что вместо живых людей на экране выхаживают манекены, опознать в которых героев прошлого можно только благодаря некоторым, чудом сохранившимся диалогам и чуждым видеоряду музыкальным темам Петрова, не столь уж и важно. Фильм рассчитан на аудиторию, которая плевать хотела на кинонаследие прошлого — антураж турецких отелей для них более выигрышный, узнаваемый фон. Обёртка мнимого финансового благополучия для бедных.

И Калугина, прячущая сомнительную красоту за очками из мысли, что более женственную начальницу в наши дни просто никто не будет слушать, им куда более близка, чем образ подавленной жизнью номенклатурщицы, расцветающей под воздействием любви, созданный Алисой Фрейндлих. Потому и введён в фильм классический перевёртыш — секретарь Вадик учит правильно ходить и одеваться не Калугину, а неумеху Новосельцева. Ведь в Советском Союзе 70-х отсутствовало само понятие "метросексуал", и фразу "Главное — чтобы костюмчик сидел!" — могли позволить себе только "продвинутые" братья-фантасты.

Искусственный позитив, заставляющий неразумных зрителей поверить в любовь биороботов, занимающих разное социальное положение: одна ездит на "бентли", другой — на мотоцикле с коляской, вновь рисует нам вариации на тему "Красотки" и обещает свершение любых, даже самых безумных с точки зрения логики желаний. Как пела группа "Виагра": "Даже если вам немного за тридцать, есть надежда выйти замуж за принца, солнце всем на планете одинаково светит — и принцессе, и простой проводнице". Принц, в данном случае, и физически, и умственно подкачал, но любовь зла, полюбишь и финансового аналитика с интеллектом растения. Финал фильма, представляющий собой беззастенчивый плагиат из "Реальной любви" Ричарда Кёртиса только усиливает сложившиеся противоречия. Любовная идиллия москвичей и гостей столицы на залитых солнцем улицах — ещё один рекламный проспект города, которого никогда не было. И жизни, которая никогда не случится.

Анастасия БЕЛОКУРОВА

Широко разрекламированный Проект образовательного стандарта для старшеклассников и планы реформ в области художественного образования вызывают глубокую обеспокоенность в обществе.

Предлагаем вниманию нашего читателя мнение крупнейшего собирателя и пропагандиста народной музыки, доктора искусствоведения, профессора Московской консерватории Вячеслава Михайловича ЩУРОВА.

В ОБХОД РАЗУМА

ТО, ЧТО РУССКИЕ дворянство и духовенство искони были высокообразованными сословиями, общеизвестно. Пока ещё даже некоторые школьники знают имена Рублёва, Дионисия, Пушкина, Достоевского, Чайковского. Меньше известно то, что и в нашей крестьянской традиции ребёнка учили и воспитывали неустанно и с пелёнок. И художественное образование было важнейшей частью воспитания. Наши предки, конечно, не думали такими категориями: формирование гармонически развитой личности, свободно мыслящего человека, подлинного патриота невозможно без глубокого освоения национальной культуры. Но они знали это интуитивно, и результат народного образования был впечатляющим. Вспомните творцов из крестьян: Ломоносова, Бортнянского, Есенина, Шукшина, Свиридова... Какой словарный запас, какая парадоксальность мысли, какая мелодическая гибкость! Это вам не текст проекта образовательного стандарта, построенный на косноязычных штампах. Дитяти в колыбели прежде пели байки и колыбельные, когда он немного подрастал — прибаутки и потешки.

Порой они были совершенно ирреальными, преодолевающими косность стандартного, зашоренного мышления. Вот пример из антологии русского песенного фольклора. По-моему, он пророчески иллюстрирует новый образовательный проект:

Куричка-хохлатка
Сидить на поличке,
Считая яички:
"Раз, два, три, четыре,
Мене грамоте учили —
Не писать, не читать,
Только в куколки играть.
Я куколку разорила.
Мене маменка побила".
Поп, поп на свинье,
Балабайкя на стяне.
Балабаечка упала,
Свинью по горбу попала,
А папашу по спине,
Чтоб не ездил на свинье.

Хорошо бы пройтись чем-нибудь потяжелее "балабаечки" по спинам и горбам тех, кто выдумал "интегрированное" и "базовое" образование… Жизнь же деревенских русских детей от первых веков нашей эры до 1970-х годов была пронизана глубокими духовными впечатлениями и развивающими делами. Они присутствовали на зимних посиделках, где звучали целые многоголосные хоровые концерты и одновременно постигались навыки ремёсел. Кто шил, кто вышивал, кто лапти плёл, кто домашнюю утварь — порой настоящую скульптуру — из дерева вырезал или из глины лепил…

Далее — весенние игры с песнями: сразу и физкультура, и сольфеджио. Потом — летние работы со взрослыми в поле, опять с пением. В селе устраивались "улицы" ("вулицы", "пятачки") — молодёжные игры. Конечно, с песнями.

Все календарные обряды, в которых принимали участие дети: от веснянок до рождественских колядок, — были пронизаны тысячелетними, по выражению величайшего фольклориста Афанасьева, "поэтическими воззрениями славян на природу", то есть историческими, философскими и поэтическими основаниями нашего бытия, а также архаическими, сложнейшими музыкальными ладами.

Прекрасно знали крестьянские дети и прикладную биологию. Ягоды, грибы, травы, деревья, дикие и домашние звери, птицы и растения были глубоко ими изучены. То есть традиционное детство русского человека — это различные формы творчества и познания. Проект же стандарта образования для старшеклассников от 16 февраля 2011 года их безусловно отвергает.

Нет в проекте и слова "музыка" ни в каком виде. А ведь хорошо известно, что только музыка развивает оба полушария мозга, делает sapiens из бессмысленного homo. Поэтому в Японии и Западной Европе школьные оркестры и хоры — обязательнейшие предметы. Эту традицию подхватывает и Китай, где только на фортепиано учатся профессионально играть 60 миллионов детей. Россия же идёт на интеллектуальное самоубийство.

Мало того, что скандально известное министерство прошлось асфальтовым катком по общеобразовательной школе, так оно покусилось и на национальную гордость, давшую России сотни талантов и немало гениев, — систему детского профессионального образования. Основываются реформаторы на новомодной ювенальной юстиции, пришедшей из США вслед за ЕГЭ и "политкорректностью", по которой нельзя попирать права ребёнка (так, за наказующий шлепок по попе ребёнка нужно отбирать у родителей). Даже макаки шлёпают в целях воспитания своих детёнышей, беспрестанно понуждают их заниматься полезными для стада делами. Американцы же, подарившие миру ювенальную юстицию, ушли гораздо ниже низших приматов.

Наши чиновники, "задрав штаны", бегут за ювеналом. Они предложили начинать профессиональное музыкальное, балетное и т.д. обучение с 15 лет, чтобы не травмировать бедных деток тягостными, преступными уроками.

Мои дети ходили в музыкальную школу, посещали кружки, секции. Дело не в том, что мы хотели обязательно сделать их музыкантами. Мы старались занять их свободное время, отвлечь от подворотен. И сейчас оба — уважаемые крепкие специалисты. Но могут сыграть на фортепиано, спеть, любят музыку.

Наверное, разложение, гибель молодого поколения и является истинной целью реформаторов образования. Понятно ведь, что у подростка вслед за свободным болтанием по улицам приходит беда. Всё это происходит под лозунгом "защитить детство".

Я недавно побывал в США, в Сиэтле, и узнал, что тамошние родители бегают по частным преподавателям музыки, поскольку систематическое музыкальное образование в Америке отсутствует, всеми правдами и неправдами стараются отправить детей учиться в Европу, где сумасшествие ещё не стало нормой.

В области музыки благодаря "правам ребёнка" Америка деградировала. У неё были великие композитор Айвз, пианист Клиберн и другие, а сейчас, по-моему, ни один молодой музыкант не способен привлечь к себе внимание. Глубокая интеллектуальная яма, полная могила.

Идея о том, что "детей надо беречь, профессиональное образование начинать с 15 лет", опровергается одной историей. Известно, что у Маугли были реальные прообразы — две девочки, найденные в волчьем логове. Одна сразу погибла, а другая, дожив до 17 лет, осталась на уровне развития младенца. Произошло то, что психологи называют "невосполнимой утратой возможностей". Если с детства не прививать навыки: художественные, научные, языковые, ремесленные, этические, наконец, — человек превращается в айтматовского манкурта, которым можно легко манипулировать, но которого нельзя сделать полноценным членом общества, патриотом родной земли.

Музыке (как и всякому другому сложному и благотворному делу) надо учиться с самого раннего детства. Это понимали не только родители Моцарта и Бетховена, но и близкие нам люди советской поры. Я учился в одном классе музыкальной школы с Володей Ашкенази, мы были с ним друзьями. Его первая учительница по фортепиано впоследствии говорила: "Ко мне привели пятилетнего мальчика. Я ему показала простые упражнения, он, помногу занимаясь, освоил. Я дала этюды сложнее. Выучил. И после одного года обучения он сыграл с оркестром концерт Гайдна". Сейчас Ашкенази — один из крупнейших пианистов и дирижёров мира. Но, чтобы стать таким, он в раннем детстве занимался по шесть часов в день только игрой на рояле.

В Центральной музыкальной школе, где я учился, выдавали аттестат зрелости, мы изучали физику, математику, химию, литературу на уровне обычной общеобразовательной школы. Успевали и музыке серьёзно учиться, и приличное общее образование получить. Я, между прочим, закончил школу с золотой медалью. И Ашкенази был круглым отличником, при ежедневных напряжённых занятиях на музыкальном инструменте.

Так кто же стал счастливее: Владимир Ашкенази, истово занимавшаяся балерина Екатерина Максимова, моя подруга детства, — или ребёнок с "защищёнными правами детства", "освобождённый от перегрузки и детской эксплуатации", прошлявшийся по улицам в те годы, когда нужно было до изнеможения учиться, и в результате безвестно и бесцельно сгинувший?

Так что то, что сейчас предполагается сделать с профессиональными музыкальными школами и хореографическими училищами, — это жуткая диверсия, которую любыми средствами надо предотвратить.

В нашей стране очевидные глупости, солидарно отвергнутые обществом (такие, как монетизация, ЕГЭ или реформа местного самоуправления) имеют обыкновение в обход разума становиться законами. Многое у нас при реформировании развивается по худшему сценарию. И правая рука не согласует свои действия с левой. Побеждает в споре самый напористый, к тому же имеющий крепкую поддержку "сверху".

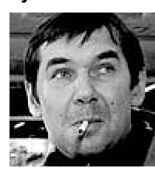
По последним "сводкам с фронта", Министерству культуры удалось пока отбить атаку Министерства образования. На совместном заседании коллегий двух министерств было достигнуто соглашение о поправках в готовящийся законопроект "Об образовании в Российской Федерации". "Нам нельзя уподобляться странам, где исчезла театральная и художественная школы", — сказал министр культуры Александр Авдеев. По поводу изучения профессиональных дисциплин только с 15 лет Авдеев заявил: "Не будем обсуждать глупости". Было заверено, что отбор в детские профессиональные школы, якобы противоречащий Конституции РФ, тоже никто не отменит. Решением коллегий детским начальным художественным школам должен быть присвоен статус предпрофессиональных образовательных учреждений.

Впрочем, успокаиваться рано.

Материал подготовил Иван ВИШНЕВСКИЙ

Олег ГАПОНОВ. "10 лучших песен за 20 лет". 2011

ВСЁ РЕЖЕ в заглавной строке этой колонки присутствует название фирмы, выпустившей пластинку. Так оно случилось и в этот раз. Жаль — сей проект бесспорно достоин полноценного воплощения. Но скорее всего запись будет иметь хождение только таким образом. Следовательно, милости прошу: http://www.oleggaponov.ru/

Продюсером альбома выступил видный ростовский и общенациональный деятель шоу-бизнеса Сергей Пименов — один из создателей проекта "ППК", что некогда ворвался в хит-парады самой Великобритании. Пименов в аннотации к альбому заметил, что "это лучший альбом, который я продюсировал за свою карьеру. Послушайте эти 36 минут, и пусть они теперь играют и в вашей голове тоже". В записи альбома, помимо Гапонова и Пименова, поучаствовали знаменитые донские музыканты Олег Толстолуцкий, Михаил Никулин и Виктор Пивторыпавло.

В гапоновскую "десятку" вошли "Дети Империи Солнца", "Счастья зверя в победе", "Шоферюга", "Помни, товарищ", "Сердце, пой". Впервые на записи появляется "Слепая девочка" — 89-го года создания, доселе только однажды исполнявшаяся на концертах. "Деревянные бушлаты" — уже из нового "Зазеркалья".

"10 лучших песен за 20 лет" — своеобразная попытка возвращения на рубеж восьмидесятых-девяностых годов. В реторте "зазеркальского" делания в нечто цельное и убедительное превращаются альтернативный рок, элементы поп-культуры, блатняк. Здесь одновременно доминанта простых человеческих ценностей и почти античные представления о бытии, идейный романтизм и мрачный цинизм постсоветского андеграунда, язык улиц и высокий интеллектуализм, солдатская совесть и границы отчаяния и горизонты неведомого, крушение гуманизма и триумф воли. Без декаданса, лицедейства, изломанного мелодраматизма.

Каждый поклонник может предложить свои отсутствующие фавориты: "Песня о хорошем человеке", "Бедная Лиза", "Космонавты мертвы", "Бугорки безымянных могил", из последних альбомов — "Алёша", "В степях донских" или "Одноклассники". Словом, пластинка вполне могла состоять и из двух десятков номеров, да и больше тоже.

Немудрено: Олег Гапонов напрямую "ответственен" за ряд важных и великолепных проектов отечественной независимой музыки.

В "Зазеркалье" он проявился из культовой донской формации "Пекин Роу-Роу". В частности, на "пекинском" альбоме "Бесамемуча" ему принадлежит авторство "Auf Wiedersehen".

Потом был проект "Атомный самолет будущего", который периодически реанимируется и по сей день. В 1993 году в соавторстве с Иваном Трофимовым был порождён легендарный радикальный ансамбль "Че Данс". Оттуда — "Делайте бомбы", "Ангелы и космонавты", "Баунти". От этого проекта имеется CD "Запрещённые барабанщики: архив! Че Данс+1,5 Pavlo" и запись московского концерта в клубе "Sexton". Затем "Че Данс" плавно перерос в "Запрещенные барабанщики", Трофимов и компания перебрались в Москву. Гапонов остался держать фронт на родине.

В 1997 году совместно с Петром Каплиным был создан электронный поп-альтернатив-проект "Фигура". "Фигура" была полна этно-ритуальных мотивов, обращалась к глубинным пластам человеческого сознания. Было записано несколько альбомов, один вышел в Америке. Группа просущество- вала несколько лет, но после переезда в Москву в 2003 году прекратила своё существование. "РМГ рекордз" выпустила MP3 "Figura" с полной коллекцией альбомов. Однако дистрибьюция осуществлялась довольно локально. Во всяком случае, мне этот диск попался года через два, повезло углядеть его в одном периферийном киоске близ площади Трёх вокзалов.

В середине 2000-х "Зазеркалье", по выражению Дениса Третьякова, "возродилось из пепла хищным южнорусским Фениксом". С вокалистом Александром Скрынниковым (одним из отцов-основателей группы ещё в 1988 году) и более спокойной стилистикой. Гапонов так отрекомендовал новый подход: "Это был достаточно рискованный шаг — использовать только электроорган и акустическую гитару. Психоделика, ранняя эстрада, которую называют глупым словом "шансон". Нам важно было показать те звуковые символы, которые соответствуют аутентичному андеграунду. Андеграунд в чистом виде заморозился еще в 60-е годы. В 70-е уже пошёл декаданс, в песнях пропала искренность... Мы добились того, что при минимуме аранжировок слышен голос, выделились, выкристаллизовались сами песни".

В этом цикле были альбомы — "Власть судьбы", затем "Весна священная", наконец — "Между мирами", имевший полуофициальное хождение.

После очередного кризиса "Зазеркалья" поочерёдно появились уникальные проекты "Хлеб-Соль" и "Донская Романтика". У Гапонова накопилось немало песен, которые по своей стилистике не подходили "Зазеркалью", в том числе песни на стихи донских поэтов-изгнанников: П.Полякова, Н.Туроверова. "По сути, мы оказались в числе немногих музыкальных коллективов, касающихся в своем творчестве истории Донского края". От "Хлеб-Соль" имеется концертная запись "Два ворона", "Донская романтика" — это альбом "Дуньте, ветры".

Однако история "Зазеркалья" продолжается — в минувшем году Гапонов вновь собрал состав. Стало ясно: история одного из самых ярких нонконформистских проектов отечественного андеграунда так просто не завершится.

Андрей СМИРНОВ